Честь и слава

ДОЧЬ РОССИИ

В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ заплакали вдруг ледяные сосульки. Помнится с детства, что плачут они по уходящей зиме. Так ли? Может быть, это слезы радости от встречи с весной-красной, когда пробуждается к жизни природа...

Это очень правильно, что один из весенних дней — женский. Недаром художники дают весне образ женщины. Дарить жизнь, продолжать ее.., И защищать.

ЖИЛА В МАГНИТКЕ маленькая девочка по имени Машенька Романенко. По утрам бегала в школу. На пионерских сборах звонко пела пионерские песни. Подбивала одноклассников дотемна собирать металлолом, чтобы обогнать соседний класс. Она была заводилой улицы, и однолетки не отставали от нее ни на шаг. По вечерам любила Машенька слушать рассказы старших братьев Петра и Алексея о заводских делах. Алексей занимался в аэроклубе, и девочка, жадно слушая его, сама взмывала птицей в небесную синь, и дух у нее захватывало от открывавшегося простора.

Когда служил в армии Петр, а Алексей учился в летной школе, Машенька взяла на себя заботы о больной матери и младшей сестре.

ГРЯНУЛА ВОЙНА. Комсомолка Мария успела закончить только восемь классов. Пошла учиться на токаря. С 20 января 1942 года работает в основном механическом, затем в ново-механическом цехе (сейчас его нет). 31 мая 1942 года, простившись с родными и близкими, девушка уехала в Москву, в распоряжение ЦК ВЛКСМ.

Это была пора взросления. Машенька — еще девочка, и Романенко — уже боец. Прочтите этот отрывок из ее письма домой:

«Петя (Петр Киреевич получил тяжелое ранение и лечился в Магнитогорске), ты должен помочь маме, ведь она одна у нас. Я здесь столько ягод поела, всяких, какие только растут. Письмо это, может, мое последнее, от меня не ждите. Если долго не будет, то узнайте обо мне в ЦК партии Белоруссии. Обо мне не беспокойтесь. А пока целую крепко. Мария».

Зою Космодемьянскую товарищи звали Таней. Марию Романенко—Жанной. Дочери России были партизанами. Вот письмо комиссара партизанского отряда матери юной партизанки.

«Воевали мы в Блоховских лесах. Жанна всегда ходила с группами на боевые задания, при штабе сидеть не любила и очень сердилась, когда на задания ее не брали. Она не только смелая и боевая, но и веселая, жизнерадостная. Часто пела фронтовые и партизанские песни: «В чистом поле под ракитой», «Слушали отряды песни фронтовые...»

Комиссар партизанского отряда написал о последнем празднике, который встретила Жанна, — 8 марта 1944 года. Звонко, певуче смеялась она после скромного праздничного ужина. Пела много. Отплясывала «Барыню», «Гопака»...

Жанна погибла в бою возле деревни Застаричи Слуцкого района Минской области, не дожив до освобождения три с половиной месяца. За полгода до гибели комсорг партизанской роты Мария Киреевна Романенко была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

...Сегодня мы чествуем женщин, которые дарят жизнь и продолжают ее. Защищают, если призовет Родина.

И последнее. Думается, комсомольцы основного механического, где работала Мария Романенко, напишут о ее жизни, короткой, как песня, историю. Герои бессмертны, потому что они живы в нас. Молодежь должна знать о героическом пути одной из дочерей России.

Ю. ЧЕРЕДНИЧЕНКО.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

***

Ах, детство.
Мне, как водится, хотелось
во всем с мальчишками
быть наравне.
Но папа с мамой
не ценили смелость:
«Ведь ты же девочка! —
твердили мне.

Сломаешь голову,
на крыше сидя.
Бери вязанье,
да садись за стол,
И я слезала с крыши,
ненавидя
свой женский, слабый,
свой прекрасный пол.

Ах, детство!
Попадало нам с тобою —
упреки матери,
молчание отца...

Но опалил нам лица
ветер боя,
нам ветер фронта
опалил сердца.

«Ведь ты же девочка!» —
твердили дома,
когда сказала я
в лихом году,
что, отвечая
на призыв райкома,
на фронт солдатом
рядовым иду.

С семьей меня
Отчизна рассудила, —
скажи мне, память,
разве не вчера
я в дымный край
окопов уходила
с мальчишками
из нашего двора?

В то горькое,
в то памятное лето
никто про слабость
не твердил мою...
Спасибо, Родина,
за счастье это —
быть равной
сыновьям твоим
в бою!

СЛАВНЫ

Л. Н. Ковалева — инженер центральной заводской электротехнической лаборатории.

●

Л. Н. Корда — мастер автоматической телефонной станции цеха технологической диспетчеризации.

ОЧЕРК

СПАСИБО, КАТЯ,

ЗА ПЕШЕХОДНЫМ ТУННЕЛЕМ, что ведет от трамвайной остановки «ДОК» к третьей проходной, еще 10—12 лет назад был пустырь. Тоскливо чернела весною истрескавшаяся земля, шуршала летом редкими стеблями полынь, а осенью бездомно моталась по пустырю сухие шары перекати-поля. Зимой же и взгляду не за что было зацепиться: белым-бело кругом и голо; только дым над стенами проходной оживлял пейзаж.

Но однажды весной пришли на пустырь комсомольцы. С песнями и смехом взялись они за работу: копали ямки, заливали их водой, передавая из рук в руки ведра. И всегда в центре, на самом трудном месте, там, где что-то не ладилось или не хватало чего-то, была невысокая, не очень красиво, но надежно, по-рабочему одетая девушка.

— Катя, иди сюда! — звали девушки.

— К нам, Катя! — кричали парни.

Катя, весело отшучиваясь от стоящих на пути парней, подходила к девушкам, показывала им, где и как размечать места под новые лунки; потом опять возвращалась к парням и кидала землю — аккуратно, у самой ямки, и пела вместе со всеми, и смеялась.

А к вечеру пустыря уже не было. Весело и упрямо расправляли ветки на месте бывшего пустыря будущие деревья будущего сквера.

Окончился еще один счастливый день Кати Мелешко...

И вот через десять с лишним лет я беседую с Катей в ее комнате секретаря комитета ВЛКСМ производства металлоизделий комбината.

— Ну и дел у вас сегодня, — говорю, — устали, наверно?

— Да нет. Хороший у меня день сегодня. Счастливый.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ... Да, счастливый.

Разве это не счастье, когда вокруг тебя все движется, и поет, и ликует. Разве это не счастье, когда ты нужна всем и всегда. К тебе приходят за советом, за помощью — и ты советуешь, помогаешь; а если не можешь помочь сама — идешь к секретарю партийной организации, к начальнику цеха, в цехком. Просто к кому-то. К старшему — более опытному и более сильному. Ты идешь к людям — и люди идут к тебе. Со своими радостями, печалями и заботами. Разве это не счастье — постоянно быть нужной людям — и комсомольцам, и тем, кто на десяток лет постарше тебя, и тому, кого обидели, и тому, кто пришел к тебе с радостью. Быть нужной... Где же истоки этой потребности? Откуда они?

До села Зарубино, что в Кемеровской области, снаряды не долетали. Не гудели над головой «Мессершмиты» и «Хейнкели». Не проходили через село измученные, усталые и молчаливые отступающие части наших войск.

Но железная поступь войны отдавалась в каждом сердце, ее опаляющее дыхание коснулось каждого дома в селе.

В 1942 году беда пришла и в дом фронтовика Степана Мелешко. Погиб Степан, защищая Родину. Остались без кормильца жена и семеро детей. Старший Иван — мальчишка, подросток; младшей Ольге—годик.

Кате было тогда восемь лет. Только в школу начала ходить.

— Сейчас, — говорит Катя, задумчиво усмехаясь, — и говорить-то об этом как-будто неловко.

А ведь было это, было! Страшно вспомнить... Голодно. Холодно. Только выжить! Только дотянуть всей семьей до мирной жизни...

Кусок хлеба был счастьем.

Варежки на двоих — по очереди — счастье.

И даже колодки...

Обувь не ахти, конечно, какая. Но и ее пришлось доставать «нелегальным» путем, через сельсовет...

И вот в 55-градусный мороз, кое-как одетая, в деревянных колодках Катя идет в школу.

7 классов Катя Мелешко окончила с отличием. Это было уже в Белоруссии, куда семья переехала в 1948 году к родственникам матери.

Ах, как хотелось учиться!.. И Катя подает заявление в Киевский геологоразведочный техникум.

Сданы экзамены. Ура, принята!!!

Но до начала занятий еще целый месяц. А надо на что-то жить. А из дому пишут, что очень больна мать...

И вот, накупив на последние рубли «гостинцев», Катя едет домой — к больной матери, к необихоженным, голодным ребятишкам... Женщины заступаются за нее перед проводниками и ревизорами, называя то дочкой, то племянницей.

ТАК ВОТ ДО СИХ ПОР и хожу в недоучках, — стеснительно улыбается Катя. — Только и удалось, что десятилетку окончить. Когда я переехала в Магнитогорск к старшему брату Ивану, поступила работать в листопрокатный цех учетчицей. И учиться стала. В индустриальном техникуме. Да опять ничего не вышло. Приехала к нам через год в 1954 году мама, больная, да и трое младших с ней. Не до учебы. Кто же о них заботиться будет?..

НАС ТО И ДЕЛО прерывают. Вот и сейчас. В комнату входит товарищ явно не комсомольского возраста.

— Катя, как взять лыжи на прокат?

Катя терпеливо объясняет старшему электрику Партину, что лыжи выдают членам ДСО на базах проката, что взносы (задолженность за этот год) нужно уплатить Самариной. Впрочем, марки у нее где-то есть. Вот, давайте, наклеим. А за лыжами лучше всего идти сегодня же, и не на вокзал, а на водную станцию...

Только выходит Партин, врываются две молоденькие девушки (групкомсорги, оказывается), требуют, выпрашивают, клянчат билеты на торжественный вечер, посвященный 23 февраля.

Ну, здесь следует написать «и так далее». Потому что вдвоем нас оставляют очень редко. Я сосчитал: за 4 часа, которые я был с Катей, у нее побывало 23 человека. Групкомсорги Дина Тахаутдинова и Зина Татаринцева порадовались вместе с секретарем: личные обязательства к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в их группах взяли все комсомольцы.

Художник беспокоится: «завал» — свалилась сразу вся работа. Что делать сначала?..

И снова через каждые пятьдесять минут — люди, люди, люди.